

Глава 67. Паразитизм

Гнилостная вонь доносилась из конца коридора, становясь всё гуще и сильнее.

Не оглядываясь, Цзянь Хуа бежал по коридору, по пути грубо срывая паутину и топча паучьи нити.

Потревоженный гигантский паук вышел на охоту. Яйца под его брюхом всё время шевелились. Ее потомство вот-вот должно было появиться на свет, и ей требовалось больше пищи. Хотя это был незнакомый ему мир, и эта самка, вынашивающая яйца, испытывала некоторое беспокойство, здесь не было естественных врагов, добычу было очень легко ловить — ни твёрдых панцирей, в которые трудно впиться, ни острых зубов, способных перерезать паутину. За короткое время после прибытия она уже сделала немалые запасы продовольствия.

Если и был недостаток, так это то, что вся эта глупая добыча была слишком тощей.

Попалась там одна кругленькая тварь, которая лаяла, — её и на один зуб не хватило бы. Есть её пришлось бы тратить силы, впрыскивать яд и ждать, так что она просто отбросила её в сторону. В конце концов, её дети, когда только появятся на свет, будут очень маленькими и не побрезгуют скудной пищей.

Паук ступил на паутину и приблизился.

Гигантские сети в государственном театре Хайчэна на первый взгляд висели совершенно бессвязно. На самом же деле у каждой сети была одна ключевая «осевая» нить. Она, в свою очередь, тянулась куда-то ещё и сплеталась с такими же осевыми нитями в единую сеть. Уровень за уровнем, это в конечном счёте превращалось в «сеть передачи данных». По этим «узлам» гигантский паук проследил источник и быстро засёк двух незваных гостей — свою добычу!

Паук проявил некоторый интерес. Если бы он подполз и обнаружил там снова того круглого корги, он бы в ярости разорвал добычу на куски!

Яйцевой кокон, прижатый к брюху, снова зашевелился. Похоже, этих двух жертв не придётся запасать — их можно будет сразу скормить детям...

Гигантский паук ускорился. Он уже видел спины убегающей добычи и был весьма доволен.

Длиннорукие Обезьяны и люди в глазах паука были одним и тем же видом существ. Разница заключалась лишь в том, что у одних была длинная скользкая шерсть, а у других — нет. Очевидно, что бесшёрстных ловить было легче, и они лучше подходили для кормления молодых паучков.

Белая паутина выстрелила и прилипла к стене бесформенной массой.

Цзянь Хуа легко подпрыгнул, уклоняясь. Он намеренно замедлил шаг, позволив Ли Фэю бежать впереди. Эта явно защитная стойка вызвала у Ли Фэя какое-то неприятное чувство в душе, но препираться и спорить о том, кто уйдёт первым, когда за спиной гонится гигантский паук, было бы безумием.

Вскоре они достигли лестничной площадки.

Чтобы распределять потоки людей, театр сделал здесь Y-образную лестницу. Она поднималась как единое целое, а затем разделялась на два рукава, ведущие на следующий этаж. Размах двух рукавов Y был очень широк, и они вели в два совершенно разных направления одного и того же этажа.

Это была самая опасная часть всего плана.

Подъём по лестнице требовал времени. Паук мог выстрелить паутиной, подвесить себя и броситься на них прямо из воздуха.

К счастью, поблизости было не так много паутины. Когда Цзянь Хуа и Ли Фэй закончили приготовления и собирались потревожить паука, первым делом они расчистили именно висящую здесь паутину.

Плести паутину из ничего невозможно. Пытаясь перехватить их, гигантский паук наступил на сеть и тяжело рухнул вниз.

Раздался оглушительный грохот.

Паук кое-как приземлился на спину, одной лапой всё ещё осторожно придерживая яйцевой кокон.

Это падение полностью привело его в ярость. Только теперь он понял, что, пока полз, не заметил, как его паутина была разорвана и заменена какими-то тонкими белыми мягкими нитями.

У паука с плохим зрением на лапах были развиты органы чувств.

Грибница, «подставившая» его один раз, неторопливо уплывала прочь. Паук без малейших колебаний яростно бросился преследовать Цзянь Хуа.

Ли Фэй: ...

Это что, жульничество?

Раз уж всё так обернулось, Ли Фэй обогнул скульптурную группу и устремился прямо к концертному залу. Цзянь Хуа же повёл взобравшегося паука в долгий обход вдоль стены из закалённого стекла во всю высоту здания, планируя описать полный круг по этажу, прежде чем направиться к главному входу в концертный зал.

Гладкий пол сильно замедлял паука.

Его когти с пронзительным, режущим слух скрежетом царапали закалённое стекло, выходящее наружу здания.

Гигантский паук заполнял собой весь проход. Остальными четырьмя лапами он упирался во внешнюю стену концертного зала. Горшки с растениями, стоявшие вдоль стены, не избежали гибели — все до единого они повалились и разбились, рассыпав повсюду землю и листья.

Правое плечо Цзянь Хуа пронзила мощная сила — это был сгусток паутины, выпущенный чудовищем.

Когда гигантский паук уже собирался прижать добычу, он обнаружил, что паутина не прилипла. Опять эти нитевидные штуки устраивали козни.

В ярости щёлкая хелицерами, паук размахивал всеми восемью лапами, решив наброситься и живьём растерзать добычу. Его острые когти оставляли глубокие борозды на стенах.

Четыре лапы, ступавшие по закалённому стеклу, скользили при каждом шаге. Кое-как удерживаясь на остальных четырёх, паук, преследовавший Цзянь Хуа, постоянно неконтролируемо заваливался в сторону.

В бешенстве он выстрелил ещё больше паутины, превратив коридор в неузнаваемое месиво.

«Набегав» паука вдоволь, Цзянь Хуа наконец повернул к главному входу в концертный зал.

К его волосам пристало несколько листьев. Колени штанов и одежда были повсюду в грязи. На повороте он оттолкнулся ногой от стены и прыгнул вперёд, и в тот же миг место, где остался его след, было разрушено паучьими лапами.

Дыхание Цзянь Хуа стало прерывистым. Он давно не бегал так быстро.

Такое, как эта гонка на грани жизни и смерти, обычному человеку не выпадает и за всю жизнь.

Леденящее душу чувство опасности, неотступно преследующее, вызывало мурашки, пробежавшие от затылка до самого позвоночника. Холод ударил в голову. Зловоние гигантского паука мешало дышать, и струны сердца были натянуты до предела.

Даже Цзянь Хуа не мог сохранять полное спокойствие.

Несколько раз краем глаза он уже видел паучьи когти. Над головой раздавался лязг хелицер. Стоило замешкаться на одну секунду, и произошёл бы роковой контакт.

Цзянь Хуа практически врезался в концертный зал.

Внутри было кромешно темно. Карта, изученная ранее, быстро всплыла в его сознании: вход, два поворота, мимо прохода и прямо вперёд...

От входа в концертный зал раздался грохот — гигантский паук, не сумев затормозить, тяжело врезался в стену.

Этой задержки было достаточно, чтобы Цзянь Хуа оторвался.

К тому времени, как оглушённый паук вполз внутрь, Цзянь Хуа пробежал уже половину сцены.

В воздухе стоял странный запах жирной скользкости, словно в заводском цеху. Паук в нерешительности остановился. Его обоняние было очень слабым, но умелый охотник обладает инстинктивным чутьём на опасность.

Сильное беспокойство нахлынуло на него. Вопреки обычному поведению, он отказался от преследования добычи.

Даже когда Цзянь Хуа скрылся в туалете концертного зала, гигантский паук не двинулся с места.

Его хелицеры непрерывно издавали странное щёлканье. В нерешительности он крепче прижал к себе яйца на брюхе и повернулся, собираясь покинуть это место.

Паутина паука тоже была ограничена. Без достаточного количества пищи он не мог синтезировать и преобразовывать новую паутину. Паук с разрушенной сетью вполне мог умереть от голода. Не то чтобы они не хотели чинить свои сети, просто у них не было на это способности.

Гигантский паук решил сначала хорошенько наесться, а когда все паучата появятся на свет, тогда и вернуться за неприятностями...

— Вух!

В воздухе вспыхнул огненный шар.

Восемь глаз гигантского паука, подстёгнутые раздражителем, дружно повернулись в ту сторону.

Красный свет отразился в его глазах. Мозг паука ещё не успел ясно и полностью осознать смысл этого зрелища. Волна обжигающего жара накатила на него. Ему не нужно было поворачиваться — глаза, расположенные по краям тела, могли видеть вокруг на триста шестьдесят градусов.

Вход в концертный зал полыхал бушующим пламенем.

Паук сделал шаг вперёд, но тут же был отогнан назад опасной аурой, таящейся в огне.

Он стремительно взобрался на спинку ряда кресел, намереваясь крушить здесь предметы, поднять что-нибудь и накрыть пламя или же держать перед собой как щит, чтобы прорваться сквозь огонь.

Такое поведение выдавало в нём разумное существо, способное к самостоятельному мышлению.

Неслыханное чудовище Зброшенного Мира!

Сильный, ужасающе жестокий и разумный, быстро размножающийся ядовитый обитатель гнёзд.

Едва он взобрался на кресла, как чуть не соскользнул. Его лапы беспорядочно забили по воздуху. К счастью, другие лапы упирались в пол, и он не перевернулся брюхом кверху в этой нелепой позе.

Ещё один огненный шар обрушился прямо позади паука.

Обжигающее ощущение заставило паука инстинктивно подпрыгнуть, пытаясь спастись. Но большинство кресел в концертном зале не давали опоры. Он жалко поскользнулся и проехался на несколько шагов, вынужденный выстреливать паутиной, лишь бы удержать равновесие.

В свете пламени показалась фигура Ли Фэя.

Поняв, что это ловушка, паук издал пронзительный визг, производимый трением хелицер. В

безумной ярости он бросился вперёд на два шага, но опомнился, лишь застряв под потолком. Он выстрелил паутиной в Ли Фэя, желая силой притянуть этого врага прямо перед собой.

Ли Фэй отступил на несколько шагов, ловко уклоняясь.

Пламя безжалостно побежало по паучьей нити. Воздух наполнился специфической вонью горящего белка.

Зоркий взгляд Ли Фэя заметил, как «шёлковый кокон», который самка прижимала к себе, зашевелился и выпятился. Похоже, паучьи яйца, почуяв опасный жар, в нетерпении хотели спастись бегством.

Как же паук мог позволить своему потомству вылупиться прямо здесь? Не колеблясь, он свернулся, обвивая кокон ещё одним слоем паутины.

Пламя уже лизало его спинной панцирь. Покрытые щетиной длинные лапы резко поджались, и в слепой ярости он смёл целый ряд кресел.

Шатаясь и спотыкаясь, он отчаянно пытался сбежать.

Кокон с яйцами он прижимал к себе крепко. Даже дрожащие волоски на длинных лапах выдавали его панику. Гигантский паук издал ужасное и отвратительное всхлипывание.

— Опутай его!

Бесчисленные нити грибницы вырвались наружу, накрепко окутывая гигантского паука. Он боролся изо всех сил, разрывая множество грибных нитей.

— Психокинез! Подними его в воздух! — Ли Фэй изо всех сил сдерживал радиус распространения огня, одновременно продолжая хладнокровно мыслить.

Паук почувствовал, как незнакомая сила насильно поднимает его вверх. Все восемь лап не могли найти опоры. Не жалея себя, он с силой проломил собственный спинной панцирь, вызволяя себя из зажатого положения.

Однако встретил его сноп пламени.

Чудовищный жуткий крик разнёсся по театру.

— Пожарный выход рядом, вышибай дверь! — Ли Фэй собрал всё пламя на теле паука.

Тем временем Цзянь Хуа уже распахнул противопожарную дверь, за которой в зловеще-зелёном свете аварийных ламп виднелся лестничный пролёт.

— Бросай!

Паук, объятый огненным шаром, влетел в пожарный выход. Затем совместными усилиями Ли Фэй и Цзянь Хуа он был с силой сброшен вниз по лестнице. Кубарем он покатился далеко вниз, и свет пламени озарил несколько этажей над и под ними.

Жуткие вопли продолжались ещё больше минуты, а затем наконец стихли. Концертный зал снова погрузился в тишину.

Цзянь Хуа было очень не по себе. Ли Фэй чувствовал то же самое. Они осторожно и осмотрительно спустились по лестнице на самый нижний этаж и обнаружили, что паук весь скорчился в комок, обугленный дочерна, и испускает странный запах.

В последнее мгновение своей жизни он использовал своё тело и восемь лап, чтобы создать идеальный огнеупорный барьер, спрятав внутри кладку яиц.

— Будь здесь ассистент Линь, он наверняка бы вздохнул о том, что даже чудовища обладают человечностью, и какая это замечательная мать, — небрежно заметил Ли Фэй, но в его лице читалась явная насмешка.

Цзянь Хуа этого не заметил:

— Каким бы замечательным оно ни было, это не может скрыть сути дела. — Такие хищные пауки, свив гнездо, пожирают всё вокруг, а когда их становится много, одно только представление о том, как они заполоняют город, вызывает ужас.

Цзянь Хуа ненавидел эти насильственные попытки приписать всему «человечность», словно любое животное в мире, если оно «похоже на человека», обретает какой-то смысл. Какая чушь! Это всего лишь самый примитивный биологический инстинкт — размножение.

Ли Фэй собрал сгусток пламени, освещая нижний уровень пожарной лестницы ещё ярче.

Как раз когда он хотел поднять труп паука, шёлковый кокон внезапно развалился. Внутри, кроме какой-то вязкой жидкости и предметов, похожих на яичную скорлупу, не было и следа маленьких паучков.

Беда!

Неужели эти твари вылупились? Ускользнули?

Ли Фэй подбросил пламя повыше, одновременно прочёсывая Глазами Дьявола все тёмные углы вокруг. Очень скоро он заметил этих новорождённых паучков, у которых ещё даже не появился спинной панцирь, с серовато-белыми тельцами.

— Это... что это? — Цзянь Хуа невольно отступил на шаг.

Потому что один из паучков уже с трудом приполз к нему и неподвижно застыл.

За ним последовал второй. Словно солдаты, ожидающие смотра, крошечные паучки двигались неуклюже и странно. Самым бросающимся в глаза было то, что возле их серовато-белых, ещё не открывшихся глаз, на том месте, что примерно соответствовало голове, торчал очень маленький гриб.

Его шляпка была раскрыта. Это был тонкий, изогнутый гриб, похожий на увеличенный белый эноки.

Гриб сидел криво на голове у паучка, словно лишний усик.

Цзянь Хуа в растерянности насторожённо отбросил психокинезом этих «паучков», ещё не достигших размеров кулака, в сторону. Но грибница, воспользовавшись тем, что хозяин применил способность, не выдержала бездействия и тут же выползла, обвивая маленьких паучков. Прильнув к белым грибам, она излучала эмоцию бурной, ничем не сдерживаемой радости.

— Цзянь Хуа? — изумлённо пробормотал Ли Фэй.

Внезапно все паучки одновременно повернули «головы» к Ли Фэю и молниеносно бросились на него.

— Прекратить! — поспешно приказал Цзянь Хуа.

Грибы на головах паучков закачались, а затем паучки разбежались в разные стороны и расползлись по лестнице.

Цзянь Хуа поспешно придержал руку Ли Фэя и с трудом пояснил:

— Это не монстры. Грибница проникла в яйца и уже захватила... мозг этих пауков.

Ли Фэй: ...

— Ты испортил им всё дело. — Грибы были очень сердиты.

— Почему она напала на ещё не вылупившихся паучат? — Ли Фэю отчаянно хотелось сжечь эту омерзительную свору маленьких чудовищ.

—...Хотели проехаться зайцем.

<http://bllate.org/book/13215/1777198>